

Разноликая Сибирь: имена как отражение истории и культуры народов¹

Вышла в свет новая книга известного петербургского исследователя Алексея Алексеевича Бурыкина, которая стала итогом многолетних изысканий автора в сфере языка, истории и культуры северных народов. Труд посвящён комплексному анализу ономастического материала документальных источников, отражающих русский фронт в Северной Евразии, и имеет целью совершенствование источниковедческих методов, позволяющих получать новую историко-этнографическую информацию, которая углубляет и верифицирует современные исторические и этнографические концепции.

Тематика, связанная с присоединением к Российскому государству сибирских земель, закономерно находится в центре внимания отечественных исследователей, поскольку открытие и освоение Сибири и Дальнего Востока являлись стержневыми процессами исторического развития нашей страны, определившими её современный геополитический и культурный облик. Многие учёные обращаются к этим важнейшим событиям, но наиболее плодотворными исследованиями являются те, которые реализуют новые концептуально-теоретические подходы и опираются на нестандартные интерпретации источников.

Отличительная черта рецензируемой работы — её междисциплинарный характер. Автор, анализируя совершенно конкретный корпус лингвистического материала — иноязычный ономастикон русских документов XVII—XIX вв., — выходит на новый уровень прочтения имплицитно содержащихся там исторических и этнографических сведений. Это позволяет существенным образом скорректировать сложившиеся к настоящему времени в отечественной науке взгляды на историю и этнографию обширного североазиатского региона.

Особую актуальность исследованию А.А. Бурыкина придаёт признаваемая историками парадигмальная особенность пространственного восприятия, характерная для Русского государства вплоть до начала XVIII столетия. Имеется в виду феномен «господства текста над картой», который выразился в количественном преобладании и гораздо большей подробности вербальных пространственных описаний по сравнению с картографическими материалами. Отсюда следует высокая историческая ценность именно текстовой информации, наиболее полно аккумулировавшей имевшиеся знания о территориях и населявших их народах.

Отображение пространственной информации преимущественно в словесной форме являлось следствием антропоцентрического характера освоения сибирских земель, который проявлялся в двух аспектах: во-первых, среди землепроходцев была высока доля людей, движимых собственной инициативой, а не административной волей; во-вторых, в качестве основного репрезентанта присоединяемых территорий выступало обитавшее на них население. Т.е. Сибирь и Север в рассматриваемый период осваивали люди через людей, при этом

---

¹ Бурыкин А.А. Имена собственные как исторический источник: По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII—XIX вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. 536 с.

межэтнические и межкультурные контакты являлись самым весомым источником информации. Такого рода познавательная ситуация и отражена в собственных именах русских документов XVII—XIX вв., и это обстоятельство тонко подмечено и развёрнуто в целом ряде положений рецензируемой книги.

В частности, А.А. Бурькин совершенно обоснованно указывает на взаимное неполное языковое понимание местных информантов и русских землепроходцев, осложнённое к тому же широко распространённым институтом толмачества (с. 88—101). Прослеживаемые автором языковые метаморфозы стали следствием и ярко выраженного векторного характера русского фронта: поскольку азиатская часть страны заселялась с запада на восток, восприятие русскими (и, соответственно, отражение этого восприятия в синхронных источниках) происходило через призму уже освоенного этнического и сопряжённого с ним языкового пространства. Незнакомое, незнакомое интерпретировалось через знакомые зрительные и фонетические образы, а это, безусловно, являлось значимым фактором и искажения вновь поступающей информации, и ассоциативного перенесения наименований признаков и свойств одной группы явлений на другую. Отсюда и вскрываемые А.А. Бурькиным исторические недоразумения и даже курьёзы, длительное время трактуемые превратно (например, загадка «Серебряной горы» на Чукотке (с. 222—234), «бородатых людей» и «лесистых островов» в Северном Ледовитом океане (с. 454—456) и др.).

Исследователь показал, что большое влияние на степень адекватности сведений рассматриваемых исторических источников в объективной картине оказала присущая северным регионам этническая и культурная мозаичность. Её закономерными эффектами стали этнонимические параллелизмы, дрейфы и контаминации, повлёкшие за собой в целом ряде случаев разрыв связей имён собственных с изначально обозначаемыми ими реалиями. Одной из задач представленного труда и является реконструкция данных связей. Очень удачным образцом сочетания лингвистического анализа и конкретно-ситуационного подхода является вскрытие А.А. Бурькиным генетических и этимологических корней этнонима «коряки», показ референтной и смысловой динамики этого этнического имени (с. 30, 37, 241 и др.). Это позволило дать его убедительное толкование, идущее вразрез с общепринятой точкой зрения.

Вместе с тем к обсуждаемой работе имеются некоторые замечания методологического характера. Автор определяет предмет своего исследования как *«разнообразные письменные источники... а также описания путешествий... их многочисленные издания... и их рецепции в научных исследованиях...»*, а непосредственный объект — как *«ономастический материал»* (с. 4). Более точным, как кажется, было бы назвать непосредственным объектом как раз корпус первичных и вторичных (издания, научные исследования) источников, собственно объектом — содержащийся в них ономастический материал, а предметом — рецепции авторами источников ономастического материала и рецепции ономастического материала источников учёными. При таком взгляде на предмет и вытекает возможность вскрытия искажений и заблуждений при восприятии и толковании ономастики, а именно это составляет яркую сторону представленного исследования и занимает значительный объём книги.

А.А. Бурькин соединяет в единое целое «гипотезу и основу концепции» предпринятого исследования, которые заключаются в следующем положении: ономастикон текстов, находясь в зависимости от языка составления и дискурса, претерпевает постоянные лингвистические и референтные перестройки (с. 9).

Но ведь гипотеза — это положение, которое необходимо доказывать, а концепция — исходная установка и, отчасти, инструмент доказательства, поэтому смешивать их, на наш взгляд, методологически неверно.

Автор поставил перед собой две цели: 1) выработка и совершенствование общей методики использования имён собственных как историко-этнографического источника; 2) частные конкретные особо актуальные проблемы исследования разноязычного ономастикона (с. 12). Как нам кажется, в книге имеется сильный крен в сторону второй цели — читатели в большей степени смогут воспользоваться результатами решения конкретных языковых загадок в сфере собственных имён, нежели принять на вооружение общий методологический аппарат их прочтения. Сам интердисциплинарный метод А.А. Бурькина — наименее противоречивое согласование данных смежных наук (с. 13) — заставляет ожидать выработку некоторого особого дисциплинарного региона, в котором бы происходило это согласование. Но оказывается, что верификация исследуемых языковых фактов осуществляется «в границах частных дисциплин» (с. 13), так что речь о новой методологической «надстройке» не идёт.

Интердисциплинарный характер работы составляет её сильную сторону. В то же время, на наш взгляд, наблюдается довольно большая зависимость толкования языковых фактов от этнических интерпретаций археологических культур (с. 165—172), тогда как эти интерпретации сами по себе составляют весьма слабо разработанную проблему. Наконец, оперируя историческими фактами различной хронологической глубины в увязке с собственно лингвистическим анализом, А.А. Бурькин ничего не говорит о временной разрешающей способности последнего, а ведь именно от этого зависит корректность привлечения к доказательной базе исследования археологических источников.

Высказанные нами замечания отнюдь не умаляют высокой методологической и эвристической ценности рецензируемой книги. Автор проделал колоссальную работу по этимологическому анализу большого массива ономастического материала, во многих случаях предложил собственную оригинальную трактовку, позволяющую под новым углом зрения взглянуть на этнические процессы, протекавшие в крае. Итогом применения А.А. Бурькиным новых методов изучения источников, в том числе реализации междисциплинарного подхода, стала широкомасштабная реконструкция исторических событий и этнических подвижек в регионе, при этом некоторые выводы исследователя опровергают ранее сложившиеся взгляды. Так, ему удалось доказать однородность этнического состава населения Западной Чукотки и Крайнего Северо-Востока, представленного различными группами оленных и оседлых приморских чукчей, на протяжении последних четырёх столетий. Юкагиры, вопреки распространённому мнению, на данных территориях оказываются поздними мигрантами.

В целом рецензируемая книга представляет собой новаторский научный труд, насыщенный большим количеством фактического материала, выполненный в рамках разработанного автором методологического подхода к ономастическому пространству Сибири и Дальнего Востока. Выводы и положения обсуждаемой работы, безусловно, окажут большое влияние на развитие региональных историко-этнографических концепций.

Л.Н. Хаховская, ведущий научный сотрудник
Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского
института им. Н.А. Шило ДВО РАН